

Александр Николаевич Самойлович

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Ф. Д. Ашнин

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САМОЙЛОВИЧ
1880—1938

Александр Николаевич Самойлович * родился 17 (29) декабря 1880 г. в Нижнем Новгороде в семье директора классической гимназии. Выбившиеся в люди ценой огромных усилий, родители Самойловича весь свой достаток тратили на то, чтобы дать образование своим детям, которых у них было шестеро. Александра удалось устроить в 1888 г. в привилегированную классическую гимназию, так называемый Нижегородский дворянский институт, который он окончил с серебряной медалью в 1899 г. В том же году Александр по совету отца поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по арабско-персидско-татарско-турецкому разряду.

Александр Николаевич был счастлив в учителях, среди которых мы видим блестящего и разностороннего тюрколога-лингвиста проф. П. М. Мелиоранского, превосходного знатока турецкого языка и литературы проф. В. Д. Смирнова, ученого-энциклопедиста проф. В. В. Бартольда, археолога проф. Н. И. Веселовского, ираниста проф. К. Г. Залемана, арабистов проф. В. Р. Розена, проф. А. Э. Шмидта и др. Позже он прошел основательную школу у крупнейшего тюрколога того времени акад. В. В. Радлова, непосредственно причастного к дешифровке древнетюркских рунических памятников.

* Биографические сведения извлечены мною из указанной ниже (стр. 288—292) «Литературы об А. Н. Самойловиче», материалов Государственного исторического архива Ленинградской области, Государственного Архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, Архива АН СССР, Архива внешней политики СССР, сборников «Наука и научные работники СССР» и из хроники, содержащейся в «Вестнике АН СССР» и некоторых других журналах. Ценную помощь мне оказали Н. Н. и П. А. Самойловичи и ученики А. Н. Самойловича: акад. А. Н. Кононов, проф. С. К. Кенесбаев, проф. У. Турсунов и Б. В. Ржевлин, а также университетский товарищ А. Н. Самойловича проф. В. И. Филоненко. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им здесь свою горячую признательность.

Уже на студенческой скамье А. Н. Самойлович по предложению и под руководством проф. В. В. Бартольда и на основании его историко-географических работ составил и напечатал в виде пособия для студентов книгу «Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества» (под ред. В. В. Бартольда и Н. И. Веселовского).

Однако началом самостоятельной научной деятельности А. Н. Самойловича следует считать его студенческую командировку в Туркмению в 1902 г., которую он предпринял по совету и указаниям П. М. Мелиоранского для изучения туркменского языка и последующего написания дипломной работы. Располагая для пребывания в Туркмении только летними месяцами, А. Н. Самойлович ограничился тогда изучением одного текинско-го диалекта. Собрав значительный материал (сказки, загадки, пословицы и т. п.) и записав его в так называемой академической транскрипции, А. Н. Самойлович по возвращении в Петербург обработал этот материал и написал на его основе довольно полный фонетический и грамматический очерк исследованного им диалекта. Факультет, куда была представлена работа, отметил «новизну и сложность предмета, а также несомненно обнаруженную автором способность и любовь к самостоятельному научному труду» и признал ее достойной награждения золотой медалью¹.

Как успешно окончивший университет, А. Н. Самойлович был с 1 июня 1903 г. оставлен при нем для приготовления к профессорской деятельности по кафедре турецко-татарской словесности.

Свое положение магистранта А. Н. Самойлович использовал не только для сдачи обычных магистерских экзаменов, но и для совершенствования своих знаний в области общих вопросов тюркологии и древне- и среднетюркских языков под руководством П. М. Мелиоранского и В. В. Радлова.

Первое выступление А. Н. Самойловича в кругу ученых состоялось 29 апреля 1904 г., когда он прочел в Восточном отделении Русского археологического общества свой доклад «Туркменская поэма о столкновениях туркмен с персами в 60-х годах XIX столетия»². Доклад был тогда же опубликован в виде статьи под заглавием «Книга рассказов о битвах текинцев. (Предварительное сообщение)». «Уже в этой статье, — отмечал позже В. В. Бартольд, — обратили на себя внимание качества, редко соединяющиеся в одном лице: с одной стороны, темперамент пионера и талант популяризатора, а с другой — строгая точность ученого, во всех случаях

¹ См.: «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1903 г.», СПб., 1904, раздел о наградах, стр. 74.

² См.: ЗВОРАО, т. 16, вып. 4, 1906, стр. XXIX.

тщательно отделяющего свои личные наблюдения от расспросных сведений, достоверно доказанное от возможного и вероятного»³.

Начав научную деятельность как исследователь-туркменовед, А. Н. Самойлович очень скоро должен был пробовать свои силы в других областях. В 1906 г. скоропостижно скончался его учитель проф. П. М. Мелиоранский, и А. Н. Самойловичу в качестве приват-доцента (он был утвержден в этой должности 1 июля 1907 г.) пришлось принять на себя всю тяжесть преподавания турецкого языка и литературы в университете, читать лекции по введению в тюрко-татарские языки, вести семинар по чтению орхоно-енисейских памятников и «Кутадгу билиг» и наблюдать за изданием работы П. М. Мелиоранского «„Шейбани-намэ“ Мухаммеда Салиха».

В 1908 г. А. Н. Самойлович избирается действительным членом Русского археологического общества по его Восточному отделению и почти одновременно — членом Русского географического общества по Этнографическому отделению, причем в последнем с 1910 и до 1915 г. он состоит секретарем отделения и принимает участие в редактировании журнала «Живая старина». В 1912 г. он избирается действительным членом Таврического общества истории, археологии и этнографии и Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Свое членство в этих обществах А. Н. Самойлович оправдывал многочисленными публикациями в их печатных органах (см. ниже, «Список трудов А. Н. Самойловича»).

В начале 1911 г. к преподавательской деятельности в университете добавляется работа в качестве хранителя Восточного музея, где он среди прочих занятий увлекается описанием монет. В этом же году А. Н. Самойлович начал преподавание турецкого языка в Практической восточной академии, продолжавшееся до 1917 г. Летом 1911 г. А. Н. Самойлович совершил вторую поездку в Турцию (первая была предпринята в 1900 г. с учебными целями), где изучал литературный и народно-разговорный язык, проверил и пополнил свою рукописную грамматику турецкого языка и приобрел огромную коллекцию газет, журналов и книг, так что когда в 1912 г. В. В. Бартольд организовал журнал «Мир ислама», А. Н. Самойлович подготовил и опубликовал в нем великолепный обширный обзор мусульманской периодической печати в России и Турции (см. № 64 в «Списке трудов А. Н. Самойловича» в конце книги). В это же время А. Н. Самойлович принял участие в составлении «Русской энциклопедии» и «Малой энциклопе-

³ См.: «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г.», Л., 1930, стр. 116.

дии» Мейера (русск. изд.), в которых опубликовал ряд заметок ⁴, не нашедших отражения в прилагаемом ниже списке его трудов.

Летом 1912 г. А. Н. Самойлович побывал в Крыму и на Ставрополье, где читал лекции по грамматике крымскотатарского языка для татар-учителей, собирал диалектный и этнографический материал и изучал (в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии) восточные рукописи (см. № 73 и др. под 1913 г.).

В 1913 г. состоялась его поездка в Будапешт, Вену, Париж и Берлин, главным образом для занятий в рукописных хранилищах. Важнейшим результатом этой поездки было предварительное изучение двух рукописей Парижской национальной библиотеки: «Хосрев и Ширин» и «Собрание стихотворений императора Бабур», которые тогда же были выписаны в Петербург, но лишь вторую из них А. Н. Самойлович смог обработать и издать (см. № 116).

В начале 1915 г. А. Н. Самойлович успешно защитил опубликованную в предыдущем году книгу «Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев» в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра турецко-татарской словесности.

В 1916 г. ученый предпринял интересную научную поездку по маршруту Петроград—Ярославль—Кострома (Татарская Слободка)—Казань—Самара—Оренбург—Ташкент—Красноводск—Баку—Тифлис—Владикавказ—Крым и привез с собой большую коллекцию старых рукописей и новых публикаций на тюркских языках, а также этнографические материалы ⁵. Результатом этой поездки был ряд работ ученого (см. № 106, 107, 109, 110, 114, 117, 125, 138, 139 и др.).

Когда в нашей стране совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, А. Н. Самойлович без колебаний поставил себя на службу молодой рабоче-крестьянской республике и уже 17 декабря 1917 г. был избран экстраординарным профессором тюрко-татарской словесности Петроградского университета.

В 1918—1920 гг. он работает, уже в качестве профессора, одновременно в Петрограде (университет и Восточный отдел Академии Генерального штаба) и в Москве (в бывш. Лазаревском институте) и принимает активное участие в перестройке старых востоковедных заведений в соответствии с потребностями нового строя. Во вновь созданном осенью 1920 г. Петроградском институте живых восточных языков (позже ЛИЖВЯ им. А. С. Ену-

⁴ См. отчеты о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1910 и последующие годы.

⁵ См.: «Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г.», стр. 148—150.

кидзе) избирается проректором и одновременно является профессором этого института и ведет занятия по турецкому и узбекскому языкам. С осени 1920 г. до начала 1922 г. совмещает работу в петроградских вузах со службой в Наркоминделе РСФСР в качестве консультанта отдела Востока.

С 9 марта 1921 г. по 19 января 1922 г. А. Н. Самойлович командирован Наркоминделом РСФСР в Туркестанскую АССР, Бухарскую и Хорезмскую народные советские республики. Благодаря своим знаниям языков, нравов и обычаев проживающих там народов ученый оказывает большую помощь полпредствам РСФСР в Бухаре и Хиве в налаживании более тесных и глубоких связей Российской Федерации с молодыми народными республиками, в укреплении республиканских советских и партийных органов власти, проведении в жизнь ленинской национальной политики: принимает участие в местных советских и партийных курултаях и переводит обращенные к ним речи полпредов, помогает назирам составлять доклады для курултаяев, выступает от имени полпредов на народных митингах, организует всенародные праздники единения узбеков с туркменами, редактирует узбекский текст конституции, изучает актуальные в то время вакуфный и земельно-водный вопросы, близко знакомится с положением юстиции и просвещения в республиках, переводит с узбекского на русский «Историю Бухарской революции» Айни и т. д.

В 1922 г. А. Н. Самойлович избирается ректором Петроградского института живых восточных языков и продолжает работу на его османско-турецком и сартско-узбекском разрядах, где он кроме турецкого и узбекского языков преподает также историю Турции. Одновременно читает введение в изучение тюркских языков и народов и другие курсы (в частности, преподает туркменский язык) в университете, состоит членом Научно-исследовательского института истории языков и литератур Запада и Востока им. А. Н. Веселовского и заведует (вплоть до ноября 1929 г.) этнографическим отделом Государственного Русского музея. Наиболее заметный след в истории тюркологии оставил организованный А. Н. Самойловичем осенью 1924 г. в ЛИЖВЯ специальный тюркологический семинарий, ставший настоящей кузницей тюркологических кадров для тюркоязычных республик (см. № 184 и 187).

В 1924 г. А. Н. Самойлович избирается членом-корреспондентом АН СССР, и с этого времени его деятельность протекает в стенах Академии, ЛИЖВЯ (преобразованного в 1927 г. в Ленинградский восточный институт) и Ленинградского университета, включая и отпочковавшийся от него Ленинградский государственный историко-лингвистический институт.

12 января 1929 г. А. Н. Самойлович избирается действительным членом АН СССР, почти одновременно становится академиком-секретарем ее Отделения гуманитарных наук. С введением

Устава 1930 г. А. Н. Самойлович в марте 1930 г. избирается академиком-секретарем Отделения общественных наук и остается на этом посту до марта 1933 г. Когда в 1932 г. принимается решение о создании Казахской базы АН СССР, А. Н. Самойлович назначается первым председателем ее президиума и принимает участие в организации ее первых институтов. В то же время А. Н. Самойлович возглавляет киргизскую и казахскую, а также узбекскую секции Совета по изучению производительных сил страны. С начала 1934 г. и до самой смерти А. Н. Самойлович — директор Института востоковедения АН СССР, где одновременно заведует также сектором литературы. 13 февраля 1938 г. А. Н. Самойловича не стало.

* * *

А. Н. Самойлович принадлежал к тому типу ученых, которые по преимуществу пишут произведения малых форм — статьи небольшого объема, но, взятые в совокупности, они охватывают самые разнообразные области тюркологии — от древнетюркских памятников до современных литературных языков, от первых зачатков тюркоязычной литературы до современных поэтов и прозаиков. Его интересовала духовная жизнь тюркских народов в ее многообразных проявлениях, поэтому среди его работ мы видим статьи и о языке, и о литературе, и о театре, и о быте. Для всех его сочинений характерны четкость в постановке вопроса, ясность и краткость изложения. Вместе с тем в каждом из них легко обнаруживается та широта кругозора, которая составляет обаяние всего его творчества.

Наибольшей известностью в тюркологическом мире пользуются небольшие по объему, но ценные своим содержанием «Некоторые дополнения к классификации турецких (т. е. тюркских. — Ф. А.) языков» (1922) А. Н. Самойловича, явившиеся результатом критического пересмотра известных классификаций В. В. Радлова и Ф. Е. Корша в процессе преподавания в университете начиная с 1907 г. и получившие дальнейшее развитие в статье «К вопросу о классификации турецких (т. е. тюркских. — Ф. А.) языков» (1926). Классификация А. Н. Самойловича построена исключительно на фонетических признаках, и уточняющие названия по странам света и по народности введены в нее лишь из практических соображений: I. Туркменская, или огузская (юго-западная), *ол*-диалектная группа. II. Кыпчакско-туркменская (средняя) *таглы*-группа *бол*-диалекта. III. Чагатайская, или карлукская (юго-восточная), *таглык*-группа с двумя подгруппами. IV. Кыпчакская (северо-восточная) *тау*-группа с тремя подгруппами. V. Уйгурская (северо-восточная) *δ*-группа с тремя подгруппами. VI. Булгарская *p*-группа, составляющая особый отдел, противостоящий группам I—V, объединенным в *з*-отдел (ср. чуваш. *тă*-

хър 'девятъ' и *токуз*, *докуз* и т. д. с тем же значением во всех остальных языках)⁶.

Конечно, эта классификация тюркских языков не могла удовлетворить всех в одинаковой степени. В дальнейшем разными учеными были предложены новые классификационные схемы, но, по-видимому, ни одну из них нельзя признать более удачной, чем классификация Самойловича, базировавшаяся на собственно лингвистических критериях⁷.

Следует заметить, что сам А. Н. Самойлович отнюдь не считал свою классификацию совершенной. Судя по его отчетам о работе в качестве действительного члена Академии наук СССР за 1929 и последующие годы, ученый продолжал уточнять и совершенствовать классификацию, о чем свидетельствуют такие, например, доклады в разных научных учреждениях, как «Новые дополнения к классификации турецких языков», «Третья редакция моей классификации», «Проект этнографической классификации турецких народов» (см. ниже, разд. «Литература о А. Н. Самойловиче», № 26—32).

Среди многочисленных работ А. Н. Самойловича есть несколько значительных по объему. Первым по времени выхода в свет является упомянутое выше критическое издание «Книги рассказов о битвах текинцев», которую ученый охарактеризовал как единственный из дошедших до нас памятников туркменского искусственного исторического эпоса и исследовал ее с лингвистической и литературоведческой сторон. Как литературовед, А. Н. Самойлович определяет место «Книги» в истории туркменской литературы, анализирует стихотворную форму поэмы и ее метрику, рассматривает принятые в ней приемы версификации и исследует поэтические элементы ее языка. Как лингвист, Самойлович выясняет особенности правописания поэмы в его отношении к туркменской фонетике и своеобразие в употреблении морфологических, синтаксических и словарных средств поэмы, сообщает ценные сведения и наблюдения по грамматике живого туркменского языка и делает замечания принципиального характера о языке памятников так называемых провинциальных тюркских литератур Средней Азии. К сожалению, эта «Книга» давно стала раритетом и в Ашхабаде едва ли представлена даже одним экземпляром, хотя языковеды-туркменоведы испытывают в ней огромную нужду.

Две другие большие работы А. Н. Самойловича — это «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» (1916; см. № 104) и «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого

⁶ Классификация А. Н. Самойловича четко изложена Т. Менцелем и Р. Рахмати Аратом (см. рец. под № 129).

⁷ См.: В. А. Серебряников, К проблеме классификации тюркских языков, — ВЯ, 1961, № 4, стр. 60 и сл.

языка» (1925; см. № 169). Написанные как учебные пособия, они тем не менее являются вполне научными грамматиками и до сих пор сохраняют свое значение. Обе грамматики явились результатом личных наблюдений их автора над соответствующими литературными и народно-разговорными языками в течение ряда лет: первая является переработкой его лекций, прочитанных им в Симферополе в 1912 и 1913 гг. для учителей-татар, материал которых был уточнен в экспедициях в те же годы, вторая — последней редакцией его «Руководства для практического изучения османско-турецкого языка» (1916 и 1917 гг.), уточненной во время поездки в Турцию летом 1911 г. В обоих случаях автор стремился быть свободным от влияния чуждых тюркским языкам грамматических схем и исходить из природы каждого данного языка, руководствовался правилом «грамматику и з о б р е с т и н е л ь з я , е е м о ж н о т о л ь к о о т к р ы т ь» (№ 104, стр. 2).

Как в крымскотатарском, так и в особенности в турецком языках А. Н. Самойлович отметил отсутствие непреходимых граней между отдельными частями речи, подчеркнул их «текучий» характер и при описании грамматического строя языка стремился держаться строго грамматического принципа (наличие или отсутствие специальных морфологических показателей), дав при этом оригинальную классификацию частей речи. Его девизом было: «Решительно воздерживаться от смешения морфологического подхода с подходом синтаксическим» (№ 169, стр. 36—37). Правда, А. Н. Самойловичу не удалось создать стройную, до конца обоснованную и общепризнанную схему организации грамматического материала, тем не менее совершенно бесспорно, что его высказывания по этому вопросу, как и по вопросу о тюркском синтаксисе, оказали серьезное влияние на его последователей (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, А. К. Боровков, Н. А. Баскаков и др.).

Еще в 1911 г. А. Н. Самойлович установил, что турецкий язык «отнюдь не является, хотя бы даже в говорах анатолийских крестьян и пастухов, языком чисто турецким (т. е. чисто тюркским. — Ф. А.) ни в словарном, ни в грамматическом, ни в звуковом отношении» (№ 169, стр. 14), и с удовлетворением отметил стремление турок к упрощению и демократизации своего литературного языка. Близкое знакомство с живыми говорами крымскотатарского языка в его южнобережной, горной, «городской» и степной части убедило ученого в том, что огузский характер носит только южнобережный диалект, тогда как остальные говоры, «несмотря на проникшие в них в разной степени южнотурецкие (т. е. южнотюркские, огузские. — Ф. А.) элементы», явно кыпчакского типа (№ 104, стр. 7), что действовавший в то время литературный крымскотатарский язык «становится понятен крымским татарам только после специального его изучения» (там же, стр. 8) и что необходимо преобразовать этот литературный язык «на истинно народных нача-

лах» (там же). Эту занятую ученым с самого начала четкую позицию по вопросу о характере будущего литературного крымско-татарского языка ему не пришлось менять позже, когда он в 1934 г. был приглашен на III Всекрымскую языковую конференцию (см.: № 331, 339, 342—344).

К сожалению, тюркологи не получили в свое распоряжение «Пособия для изучения узбекских наречий», которое А. Н. Самойлович обрабатывал на протяжении ряда лет во время преподавания узбекского языка в Ленинградском университете и ЛИЖВЯ, собираясь — по настоятельной просьбе товарищей⁸ — опубликовать⁹, да так и не опубликовав. По-видимому, рукопись безвозвратно пропала, как пропали не изданные вовремя материалы по языку ставропольских туркмен и ногайцев, о которых он доложил Восточному отделению Русского археологического общества еще в 1912 г. (см. № 75; ср. № 185, стр. 137). Неизвестна также судьба морфологической части радловской «Сравнительной грамматики тюркских северных языков», которая была передана автором А. Н. Самойловичу в рукописи в незаконченном виде (см. № 84, стр. 27, прим.).

Свои взгляды на строй тюркских языков, и в частности свою грамматическую концепцию, А. Н. Самойлович изложил также в реферативном виде в статье «Тюркские языки» в трехязычной «Энциклопедии ислама» (см. № 281). Общетюркологический интерес представляют работы «Турецкие и монгольские элементы в населении Авганистана» (1923; № 143), «К вопросу о наследниках хазар и их культуры» (1924; № 150), «Кавказ и турецкий мир» (1926; № 180), «Литовские татары и арабский алфавит» (1926; № 181) и «К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае» (1927; № 194).

Среди работ А. Н. Самойловича по диалектологии заслуживают быть отмеченными статьи «О классификации узбекских диалектов» (1928; № 223) и «Элементы диалекта „джокчи“ в литературном чагатайском языке» (1930; № 245, 246). Последняя представляет собой фрагмент из доклада, прочитанного в 1926 г. в Коллегии востоковедов при Азиатском музее, на тему «К вопросу о джеканые и зеканье в тюркских языках».

Постоянное внимание уделял А. Н. Самойлович лексике, интерес к которой он унаследовал от В. В. Радлова, в течение ряда лет работая рядом с ним над его «Опытом словаря тюркских наречий». Если бы последний том радловского словаря был снабжен послесловием, то из него мы узнали бы, что А. Н. Самойлович

⁸ Например, К. К. Юдахин, см.: «В. В. Бартольд и туркестанские друзья. Ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 402, прим.

⁹ На обложке раб. № 129 оно было анонсировано среди «подготавливаемых к печати» под заглавием «Начальный учебник узбекского языка».

сотрудничал в нем и просматривал корректуру четвертого тома. Непосредственное участие принимал А. Н. Самойлович и в издании другого большого тюркоязычного словаря — знаменитого «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского. В вып. 7 (1925) этого словаря его составитель счел своим долгом выразить глубокую признательность проф. А. Н. Самойловичу «за неизменный просмотр корректурных листов. . . на протяжении многих лет». Это общение с двумя крупнейшими лексикографами-тюркологами наложило глубокий отпечаток на всю научную деятельность А. Н. Самойловича.

В ежегодных отчетах о деятельности Академии наук СССР за вторую половину 20-х—первую половину 30-х годов в разделе о деятельности различных научных подразделений сообщается о большой работе ленинградских тюркологов-лингвистов по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова в свете требований и достижений новейшей тюркологии (см. № 203 и 219), которая велась под руководством А. Н. Самойловича. К сожалению, по экстралингвистическим причинам эта работа первостепенной важности не была доведена до конца. В отчетах — в разделе о работе действительных членов Академии наук СССР — отмечается также, что А. Н. Самойлович из года в год «участвовал в редактировании Академического словаря русского языка в отношении слов тюркского происхождения» (см. разд. «Литература об А. Н. Самойловиче», № 26—32).

Среди большого числа лексикологических работ А. Н. Самойловича особенно выделяются статьи о тюркских количественных числительных (№ 208) и о словах «богатый» и «бедный» в тюркских языках (№ 373). Первая статья подводит итог почти столетнему изучению длинного ряда слов и указывает, что уже сделано и может быть принято как доказанное, что нуждается в некоторой доработке и что должно быть безусловно отвергнуто как явно фантастическое. Вторая статья представляет собой семасиологический этюд, посвященный только двум словам, но слова эти исследованы с такой глубиной и тщательностью, что в итоге мы имеем перед собой настоящий шедевр, рядом с которым можно поставить разве что знаменитый этюд В. А. Гордлевского о «босым волке» из «Слова о полку Игореве».

Много у А. Н. Самойловича историко-этимологических работ, в том числе посвященных выяснению происхождения этнонимов и топонимов: *казак* (№ 199 и 403), *киргиз* (№ 98), *сарт* (№ 40), *Крым* (№ 231) и др., а также отдельных слов вроде переднеазиатского *гиль* 'дом', 'семья' (№ 174), узбекского *кўпкари* 'козлодрание во время состязаний' < *кўк бури* 'серый волк' (№ 107), текинского *съргәздан* 'гуляка' < перс. *съргәрдән* (№ 12) и т. д.

Целую серию работ А. Н. Самойлович посвятил критическому изучению древнетюркских памятников и золотоордынских и

крымских официальных документов как памятников культурной истории тюрков. К памятнику из Ихе-Хушоту (Центральная Монголия) А. Н. Самойлович обращался трижды: в 1912 г. с предварительным сообщением по поводу доклада монголиста В. Л. Котвича о найденном им памятнике (№ 89), в 1927 г. в связи со статьей о самых древних случаях упоминания арабов в тюркской литературе (№ 207) и в 1928 г. в связи с публикацией самого памятника (№ 224), в которой ему принадлежит дешифровка надписи. Оказалось, что этот памятник был поставлен в честь Ышбара-Бильге-Кюли-чура и датируется приблизительно VIII в. А. Н. Самойловичу принадлежит также публикация рунического памятника на черепице (№ 333), который он отнес к эпохе Тоньюкука (№ 330), и наскальной надписи с горы Хугуну-хан (см. № 359).

Большая заслуга принадлежит А. Н. Самойловичу в исправлении и уточнении ранее опубликованных памятников и документов. Например, со времени публикации В. В. Радловым третьего выпуска «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» в 1895 г. из книги в книгу кочевало странное слово *bäl* со значением 'идол' (см. № 358, стр. 44—45). Однако радловская выучка и хорошее знание литературы помогли А. Н. Самойловичу исправить эту ошибку: мистическое слово *bäl* оказывается замененным понятным словом *el* 'племя', 'государство'. Точно так же новое, предложенное А. Н. Самойловичем, чтение «зубчиков» и «хвостиков» в уйгурописьменном ярлыке Тохтамыш-хана (см. № 198), а именно чтение *tidimiz bulaj* 'мы сказали так' вместо *tib Temir Pulad* 'сказав, Темир Пулад', позволило специалистам по русской гражданской истории покончить с интриговавшим их загадочным ханом Темир-Пуладом или Тимур-Пуладом. Вполне обоснованна и рекомендация А. Н. Самойловича читать прозвище баласагунского правителя Элик-туркана, в котором В. В. Бартольд видел персидскую форму множественного числа от слова *турк*¹⁰, как уничижительное в устах завоевателей кара-китаев *Элик-царь-баба* (№ 375). Не менее существенны и другие исправления (см. № 119, 123, 149, 151, 217, 298 и др.).

Важное место в научной деятельности А. Н. Самойловича занимают вопросы истории различных тюркских литературных языков. Решение серьезно заняться этими вопросами созрело у него еще во время работы над магистерской диссертацией (см. № 83, стр. XIV, прим. 2). Особенно успешно занимался А. Н. Самойлович историей так называемого среднеазиатско-турецкого литературного языка в его отношении к литературному переднеазиатско-турецкому, т. е. староосманскому, языку и «литературным языкам „провинциальным“, хотя и тесно связанным с классическим

¹⁰ См.: В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 549.

языком, но имеющим свои местные особенности» (там же, стр. XV). Эти занятия строились на изучении длинного ряда рукописей, начиная от «Кутадгу-билиг» и золотоордынских ярлыков через Навои и Бабур до хивинских и туркменских поэтов конца XIX в. включительно, и привели А. Н. Самойловича к выводам, с которыми согласились большинство последующих ученых.

Прежде всего А. Н. Самойлович выступил против расширительного толкования термина «чагатайский» (XII—XIX вв.), против столь же неопределенного термина «восточнотюркский» (*turk oriental, ost-türkisch*). По его мнению, «было бы правильное признавать единый „среднеазиатско-тюрецкий (а не ‘чагатайский’ или ‘восточнотюрецкий’) литературный язык исламской эпохи“ и установить внутри этого языка несколько периодов его развития в зависимости от культурных и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов» (№ 218, стр. 21), а именно: первый период — «с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства» (там же) — охватывает приблизительно XI—XIII вв. и представлен в первую очередь «Кутадгу-билиг»; второй период, названный позже золотоордынским, — «с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кыпчаков» (там же) — обнимает приблизительно XIII—XIV вв. и представлен такими произведениями, как «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Гулистан» Саади, «Нахдж ал-фарадис», отражающие кыпчакский и огузский диалекты, существовавшие в пределах Джучиева улуса; третий, собственно чагатайский, период — «с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях» (там же) — длится с XV в. вплоть до начала XX в. и представлен творениями Мир Алишера Навои, диваном Хусейна Байкары, сочинениями Атаи и многими другими, составившими вместе золотой век в истории среднеазиатской тюркоязычной литературы; наконец, четвертый период развития литературного среднеазиатского тюркского языка — это период, который пришел на смену чагатайскому и связывается уже всецело с современным литературным узбекским языком.

Эти периоды определяются автором на основании тогдашнего состояния разработки темы и трактуются как разные этапы развития одной и той же литературной традиции. Отсюда, между прочим, следует как вполне возможное, что староосманский и староазербайджанский литературные языки уходят своими корнями в Среднюю Азию, откуда могли быть вынесены под давлением кочевых орд, предводительствуемых монголо-татарами, семена среднеазиатского тюркского литературного языка. Во всяком случае, несомненно, что ко второму, золотоордынскому, или кып-

чакско-огузскому, периоду относится зарождение основной массы современных тюркских литературных языков.

Само собою разумеется, что А. Н. Самойлович не считал для себя окончательно решенными все эти вопросы. Напротив, он усиленно продолжал работать над ними. Так, в упомянутой статье «К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка» (1928; № 218) мы встречаем, на стр. 6, указание на то, что он «давно» приступил к подготовке издания золотоордынского памятника XIV в. «Хосров и Ширин» Кутба и что им была написана специальная статья о языке памятника XIII в. «Кысса-и Юсуф» Али, в которой он оспаривает его анатолийско-турецкий характер, однако ни то, ни другое в печать не попало и, по-видимому, безвозвратно потеряно для науки¹¹.

В работе «Из истории туркменской литературы» (1927; № 191) А. Н. Самойлович обронил фразу, что «скоро появится» его статья о ленинградской рукописи «Огуз-наме». Теперь тюркологи располагают всесторонним исследованием «Огуз-наме» (Риза-Нур, В. Банг, П. Пельо, Э. Н. Наджип и А. М. Щербак), но мы, по-видимому, уже никогда не узнаем компетентного мнения А. Н. Самойловича по этому вопросу. Почти то же самое можно было бы сказать относительно «Мухаббат-наме».

В 1934 г. А. Н. Самойлович выступил с докладом «Литературный язык Золотой орды» на II съезде Турецкого лингвистического общества, в котором подробно развил свои идеи относительно второго, золотоордынского, периода развития «среднеазиатско-турецкого» литературного языка. К сожалению, доклад был напечатан только по-турецки (см. № 362) и содержащийся в нем материал мало используется советскими лингвистами и историками. Известно также, что А. Н. Самойлович вплотную занимался историей отдельных тюркских литературных языков, публиковал специальные статьи по этому вопросу (см. № 193, 404) и выступал с докладами. В частности, один такой доклад на тему «Историческое развитие туркменского литературного языка» был сделан 21 мая 1936 г. в Ашхабаде на I Туркменском лингвистическом съезде. Так как доклад отражал результаты более чем тридцатилетнего исследования, то своевременная его публикация была бы настоящим событием в туркменском языкознании. Однако он не был напечатан (о нем было лишь краткое сообщение в газетных отчете-

¹¹ Известный польский ученый А. Зайончковский детально обследовал названный золотоордынский памятник по той самой парижской рукописи, по которой работал наш ученый. См.: A. Z a j a c z k o w s k i, Zabytek językowy ze Złotej Ordy «Husrev u Şirin» Kutba, — RO, 1954, t. XIX, стр. 45—123; А. З а й о н ч к о в с к и й, Старейшая тюркская версия поэмы «Хосрев-у-Ширин» Кутба, — «Charisteria Orientalia», Praha, 1956, стр. 387—396, и последующую публикацию самого памятника в серии «Prace Orientalistyczne», t. 6, 8 и 9.

тах о работе съезда). По-видимому, и этот материал следует также считать потерянным для науки, если, конечно, он не всплывет случайно благодаря усилиям туркменских архивистов и языковедов старшего поколения.

Ныне нам трудно решить, какие аспекты проблемы литературных тюркских языков занимали внимание А. Н. Самойловича в последние годы жизни. Может быть, тот самый аспект, который он сформулировал еще в 1914 г., — отношение «среднеазиатско-турецкого» литературного языка к «переднеазиатско-турецкому», т. е. староосманскому. Во всяком случае, в статье «Стамбульские впечатления 1936 года» (стр. 54) мы читаем: «... я же собирал материалы по предметам своей ближайшей специальности — по истории литературы и литературного языка тюркских народов Средней Азии».

* * *

Будучи по преимуществу лингвистом, А. Н. Самойлович много поработал и в области изучения литературы тюркских народов. Отметим, прежде всего, что именно А. Н. Самойлович написал первый советский очерк «Литература турецких (т. е. тюркских. — Ф. А.) народов», вышедший в 1919 г. в издательстве «Всемирная литература». Конечно, сегодня мы не можем считать его полным отражением всего многообразия литературного творчества тюркских народов даже того времени. Но он ценен для литературоведа, так как содержит все необходимые отправные данные.

Особенно много А. Н. Самойлович сделал для изучения истории туркменской литературы. Уже свое первое выступление в ученом обществе в апреле 1904 г. он посвятил малоизвестному туркменскому поэту XIX в. Абду-с-Саттару. В дальнейшем, во время своих путешествий в Среднюю Азию в 1906—1907 и 1908 гг., он собрал большое количество материалов, которые позволили ему открыть более 70 туркменских поэтов и поведать о них миру (см. № 45, 88 и 232), в то время как западные ученые судили о туркменской литературе по сборнику стихотворений 1879 г., в котором был представлен, и притом плохо, один Махтумкули. В результате этого открытия слава Махтумкули отнюдь не померкла в глазах А. Н. Самойловича: он остался для него «всетуркменским корифеем» (№ 232, стр. 134), «родоначальником целого цикла народных поэтов-певцов Туркмении и Хивы» (№ 50, стр. 0126, прим. 5); А. Н. Самойлович специально занимался инвентаризацией песен Махтумкули (№ 41, 50 и 232). Поэтому В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и И. Ю. Крачковский были совершенно правы, когда отметили, что работы А. Н. Самойловича в области туркменской литературы «доставили европейской науке больше всего нового материала» (см. ниже, разд. «Литература об А. Н. Самойловиче», № 13, стр. 553).

Туркменскую литературу А. Н. Самойлович считал одной из продолжательниц письменной тюркской литературы Туркестана раннего средневековья, о чем, между прочим, свидетельствует «бесспорный памятник огузской литературы» «Кысса-и Юсуф» некоего Али (см. № 232, стр. 136—137), а одним из очагов формирования ее полагал просвещенный Хорезм (тюркизированный к XIII в.), где обучались и осваивали законы тюркского стихосложения и туркмены (см. № 218, стр. 20, и № 232, стр. 139) и где была создана «Мухаббат-наме» с ее явно огузской окраской. Все же «бесспорные доказательства участия туркменского языка в среднеазиатско-турецкой письменности» относятся только к XIV в. (№ 232, стр. 137). В целом «литература закаспийских туркмен является преимущественно слушаемой, а не читаемой, распространяясь не столько через книгу, сколь устным путем» (№ 232, стр. 130). Этим самым она обнаруживает сходство с литературой казахской и киргизской.

Конечно, это утверждение правильно только для давно пройденного этапа развития туркменской литературы, и сегодня мы не можем принять его безоговорочно, ибо сейчас больше стало известно о средневековых туркменских авторах, а главное — после Октября сложилась богатая советская литература, мы знаем произведения Берды Кербабаева, Ата Каушутова, Нурмурата Сарыханова, Агахана Дурдыева, Хыдыра Дерьяева, Кара Сейтлиева и других туркменских писателей и поэтов. Однако мы не можем не признать ценности предпринятой А. Н. Самойловичем попытки написать «Очерки истории туркменской литературы» с древнейших известных ее памятников, попытки, предпринятой в условиях, когда была далека от решения задача по выявлению, сборанию и критическому изучению этих памятников.

Много внимания уделил А. Н. Самойлович также чагатайской и узбекской литературам. Достаточно напомнить его публикацию стихотворений Бабура (№ 116)¹² и предварительные исследования по Навои (№ 120 и 178), Эмири (№ 177), Атаи (№ 197), Лютфи (№ 186), Абулгази (№ 200), «Мухаббат-наме» (№ 213), «Таашшук-наме» (№ 202 и 213), «Хорезм-наме» (№ 38)¹³ и этюд по «Шейбани-наме» (№ 52). Предмет особых занятий составила для А. Н. Самойловича хивинская литература, которая с 1915 г. представлялась ему также «одним из звеньев той, можно сказать, бесконечно длинной и утомительной однообразной цепи, которая соединяет Среднюю Азию XX века с тимуридской Средней Азией XV века» (№ 109, стр. 188), будучи в то же время последним рефлексом классической литературы золотого века (см. № 55, 60,

¹² Позже А. Н. Самойлович подготовил специальный указатель слов к стихотворениям Бабура, но он, к сожалению, не был опубликован.

¹³ По поводу появления русских в Хиве в 1873 г.

80, 109, 210 и др.). Еще в 1908 г. ученый сумел объективно оценить ее роль и место в среднеазиатской литературе и выразил надежду на появление «молодой, живой, близкой народу по языку и содержанию» поэзии. Его предсказание исполнилось: наставала новая эра и притом «не только для поэзии, но и для прозы», — писал он в статье (№ 107, стр. 73), посвященной совершенно новому явлению в истории Средней Азии, а именно драматической литературе, произведения которой «написаны на живом разговорном сартовском (т. е. узбекском. — Ф. А.) наречии» (там же, стр. 74).

А. Н. Самойлович придавал особое значение и словесному творчеству тюрков и, где только представлялась возможность, скрупулезно его изучал. Одно перечисление того, что удалось ему сделать, заняло бы очень много места. Укажем только, что здесь мы встретим работы и по героическому эпосу (№ 44, 191, 325, 381, 408), и по сказкам (№ 39, 47—49, 86, 91, 124), и по песням (№ 6, 37, 43, 77, 96), и по загадкам (№ 3, 21, 151), и по скороговоркам (№ 122, 108). И не было решительно ничего необычного в том, что А. Н. Самойлович, которому не приходилось бывать в Якутии и слушать исполнение старинных якутских литературных произведений на месте, взялся за написание вступительной статьи к книге «Якутский фольклор» (М., 1936). Оставаясь на позициях среднеазиатских и алтайских тюркских народов с их богатым фольклором, он тем не менее увидел в якутских олонхо совершенно новый, очаровательный мир, полный поэзии и могучих красок, и, плененный страстной поэзией олонхо, вынес впечатление, что «героический эпос якутов, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, сохранился в еще более художественно богатом и своеобразном состоянии, чем у киргизов Средней Азии с их пользующейся заслуженной известностью героической поэмой Манас или у тюрков Алтая с их героическими сказками» (там же, стр. 20).

А. Н. Самойловичу принадлежит также целый ряд этнографических работ. Правда, все они носят характер эмпирических исследований. Но, может быть, именно поэтому они доступны даже неспециалисту и читаются с исключительным интересом. Не будет никакого преувеличения, если мы скажем, что именно здесь с наибольшей полнотой развернулся несомненный писательский талант А. Н. Самойловича. Возьмете ли вы его статью «Этнографические мелочи из дневников путешествовавшего по Туркмении» (1908; № 15) или «Туркменские развлечения» (1909; № 27), «Туркменские заговоры» (1912; № 66), «Из хивинских сказаний о животных» (1910; № 39) или другие его работы (см. № 56, 63, 76, 94, 117, 125, 131, 139, 173, 192), включая такую большую, как «Казачи Кошагачского аймака Ойротской автономной области» (1930; № 241), и вы обязательно найдете массу интересных

наблюдений, любопытных подробностей из области местного быта, мастерски выполненных зарисовок отдельных колоритных типов (см., например, № 6).

Много интересного содержат также многочисленные путевые заметки и отчеты А. Н. Самойловича, начиная с его отчета о поездке в Туркестан и кончая стамбульскими впечатлениями 1936 г. (№ 14, 25, 59, 74, 79, 170, 175, 196, 205, 241, 356 и 379). А. Н. Самойлович оставил целую галерею портретов ученых: П. М. Мелиоранского (№ 4 и 5), И. Н. Березина (№ 171), Н. Ф. Катанова (№ 132 и 156), В. Д. Смирнова (№ 141), В. В. Радлова (№ 84, 135, 392 и 393), С. А. Новгорода (№ 153), Г. Ибрагимова (№ 216 и 222), В. Томсена (№ 85 и 215), М. А. Кастрена (№ 195), Э. К. Пекарского (№ 337), С. Ф. Ольденбурга (№ 336 и 354), Л. Я. Штернберга (№ 243) и Н. Я. Марра (№ 324, 327—329, 355 и 357). Каждый из них представляет собой результат серьезного предварительного изучения жизни и научной деятельности ученых, содержит глубокие, продуманные и блестяще оформленные оценки.

Но не только преподавательской и научной деятельностью ценен для нас А. Н. Самойлович. Все, кому довелось близко наблюдать жизнь и деятельность этого ученого, отмечают его замечательные организаторские способности, присущее ему чувство нового и готовность поддержать это новое, если его предлагают другие. Эти качества ученого особенно пригодились молодой Советской власти, когда перед ней во весь рост встали грандиозные задачи по культурному строительству в стране.

В 1920 г. А. Н. Самойлович принял активное участие в организации Петроградского института живых восточных языков и в 1922 г. стал его ректором. Демократу по убеждениям, ему не надо было делать особых усилий над собой, когда аудитории первых советских вузов заполнились не гимназистами со знанием классических языков, а рабочими от станков и вчерашними красноармейцами, хорошо знакомыми с диалектикой классовой борьбы, но часто не имевшими достаточной общеобразовательной подготовки. Он быстро разглядел под рабочими блузами и гимнастерками новое поколение людей с небывалой жадностью знаний и в качестве ректора Института живых восточных языков с помощью общественных организаций мобилизовал все здоровые силы старой профессуры на то, чтобы дать Советской стране полноценные востоковедные кадры научных и практических работников. При этом особый упор А. Н. Самойлович делал на подготовку таких кадров из представителей национальных республик и областей, для чего при институте был создан целый ряд специальных семинариев (см. № 184 и 187).

В 1922 г. мы видим А. Н. Самойловича в числе членов—учредителей Всероссийской научной ассоциации востоковедов. В том же

году он выдвигает идею созыва тюркологического съезда и становится секретарем оргкомитета. Осенью 1923 г. он едет в Баку для чтения лекций в университете и высшем педагогическом институте и для того, чтобы на месте познакомиться с участниками созданного в 1922 г. Комитета нового тюркского алфавита под руководством председателя АзЦИКа С. Агамалы-оглы. «Познакомившись лично с участниками комитета, — писал в статье об азербайджанском латинизированном алфавите А. Н. Самойлович, — с величайшим самоотвержением, увлечением и преданностью ведущими свою работу, я не мог не приветствовать их революционную смелость» (№ 152, стр. 390). Местные ученые и общественные деятели использовали пребывание авторитетного ученого в Баку для того, чтобы с его помощью создать Общество обследования и изучения Азербайджана, которое и было создано 2 ноября 1923 г. под председательством А. Н. Самойловича и сыграло большую роль в выявлении естественных ресурсов, мобилизации духовных сил и освоении культурных ценностей республики, в том числе в изучении фольклора и живых диалектов¹⁴.

Поскольку идея создания новой, доступной народу письменности вынашивалась не только в Азербайджане, но и в Якутии, Узбекистане и других республиках и уже формулировалась в Петрограде и Москве, А. Н. Самойловичу было ясно, что необходим неотложный созыв тюркологического съезда для обмена мнениями и принятия согласованных решений об унифицированном алфавите. Он разъясняет свою позицию в статье «Нужен тюркологический съезд» в бакинском журнале «Маариф ве медениет», № 10 за 1923 г. (№ 144), а по возвращении в Ленинград делает 14 марта 1924 г. в Институте живых восточных языков доклад «О необходимости созыва тюркологического съезда для обсуждения и решения неотложных практических вопросов просвещения и культуры в тюркоязычных республиках и областях» (частично воспроизведенный латинизированным алфавитом в азербайджанской газете «Ени ёл» от 6 июня 1924 г., см. № 159). В то же самое время в Радловском кружке был заслушан доклад Самойловича о проектах применения латинского алфавита к тюркским языкам, на основе которого были сделаны рекомендации для Баку, Ташкента и Якутска. На состоявшемся в конце февраля—начале марта 1926 г. I Всесоюзном тюркологическом съезде было принято принципиальное решение о переходе на новый, латинизированный алфавит. А. Н. Самойлович выступил на съезде

¹⁴ Так как в середине 20-х годов изучение фольклора, живых диалектов и этнографии местных народов мыслилось у нас как часть краеведческой работы, А. Н. Самойлович в дальнейшем участвует в целом ряде краеведческих съездов (в Махачкале, Сухуми, Баку и Москве в 1924 г.), состоит членом Центрального бюро краеведения и пишет ряд краеведческих работ.

с докладом на тему «Современное состояние и ближайшие задачи изучения тюркских языков».

Несмотря на большую занятость в Академии наук СССР, А. Н. Самойлович живо интересуется практикой языкового строительства в национальных республиках и в 1931 г. принимает приглашение войти в состав научного совета ВЦК НА, незадолго перед этим значительно ослабленный из-за того, что оттуда были выведены за так называемый индоевропеизм два крупных ученых — проф. Е. Д. Поливанов и проф. Б. В. Чобан-заде. Помощь тюркоязычным республикам выражалась в участии А. Н. Самойловича в ряде конференций на местах. Так, в январе 1928 г. он участвует в Первой азербайджанской конференции по орфографии (см. № 220), в мае 1929 г. — в узбекской конференции по языку и орфографии (№ 235, 301), в мае 1930 г. — на IV пленуме ВЦК НА в Алма-Ате (делает доклад об унификации и упрощении алфавитов — см. № 274, 276) и в туркменской языковой конференции, в феврале 1933 г. — на I Пленуме Научного совета ВЦК НА (№ 316, 317), в октябре 1934 г. — на III Всекрымской конференции по вопросам литературного языка, орфографии и терминологии (№ 331, 339, 342—344) и, наконец, в мае 1936 г. — на 1-м лингвистическом съезде Туркмении.

Особо следует остановиться на роли А. Н. Самойловича в установлении научных связей с Турцией. Первая же после Великой Октябрьской социалистической революции его поездка в Турцию, в 1925 г., сулила успешное развитие этих связей; турки тепло приняли ученого и обещали тесное сотрудничество. Второй раз А. Н. Самойлович ездил в республиканскую Турцию в 1933 г. по приглашению турецкого правительства вместе с акад. Н. Я. Марром для установления постоянного сотрудничества в области истории и лингвистики между научными учреждениями соседних дружественных стран (см. № 321). Эта поездка привела к созданию при Академии наук СССР Комиссии содействия постоянному советско-турецкому научному сотрудничеству и к дальнейшему укреплению взаимных связей (с начала 1935 г. во главе комиссии стоял А. Н. Самойлович). Налаживался обмен литературой. Поездки 1934 и 1936 гг. были связаны с участием в работах II и III конгрессов Турецкого лингвистического общества (см. № 356, 379 и 380), на которых он достойно представлял советскую науку и научную общественность. В беседах А. Н. Самойловича с официальными лицами и отдельными турецкими учеными и писателями речь шла о дальнейшем расширении и укреплении советско-турецких научных связей и даже об издании специального советско-турецкого журнала «СССР—Турция» принципиальное решение о котором было уже принято.

На всех постах А. Н. Самойлович честно служил своему народу, отдавая все свои знания, весь свой опыт и могучий талант

подъему его социалистической культуры во имя светлого коммунистического будущего. Он оставил после своей смерти многочисленных учеников: среди них акад. А. Н. Кононов, член-корр. АН СССР А. К. Боровков, акад. АН ГрузССР С. С. Джикия, акад. АН КазССР С. К. Кенесбаев, акад. АН КиргССР К. К. Юдахин, профессора В. Д. Аракин, С. Асфендиаров, К. Жубанов, М. С. Михайлов, А. Д. Новичев, Л. П. Потапов, У. Турсунов, Н. Г. Хакимов, а также известные тюркологи Т. Г. Баишев, Г. Е. Давлетшин, Н. П. Дыренкова, А. А. Попов, Б. В. Ржевин, А. Сатыбалов, А. С. Тверитинова. Эти ученые обогатили отечественную тюркологию трудами высокого научно-теоретического значения, продолжив таким образом дело своего незабвенного учителя.

Александр Николаевич Самойлович и поныне в строю, ибо оставленное им колоссальное научное наследие продолжает верно служить новым поколениям советских тюркологов.